

RU

Концептуальная оппозиция БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ в художественном пространстве романа Захара Прилепина «Обитель»: когнитивно-семантический аспект

Глазкова М. М.

Аннотация. Статья посвящена изучению структурных особенностей и художественной функциональности ментальных концептов БЕЗМОЛВИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ, выявлению подфреймов, образующих с ними синонимические парадигмы и входящих в их концептуальные поля. Цель исследования состоит в проверке истинности гипотезы о динамичности аксиологически значимого для духовности общества концепта БЕЗМОЛВИЕ, образовавшего структурированную систему, в основе которой – концептуальная оппозиция БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ; о полифункциональности оппозиции БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ в художественном пространстве произведения. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые роман Захара Прилепина «Обитель» изучается с точки зрения базового в аспекте культурно-исторического развития и ментальных особенностей русского общества концепта БЕЗМОЛВИЕ и его оппозитива, концепта ПУСТОСЛОВИЕ. В статье анализируется концепт БЕЗМОЛВИЕ с учётом всего комплекса когнитивных и ментальных признаков; выявляется содержание его первосмысла; анализируются коннотации полюсов заявленной антиномичной оппозиции и её функции. На основании осуществлённого анализа получены следующие результаты: актуальный смысл концепта БЕЗМОЛВИЕ, близкий семантически концепту ПОКАЯНИЕ, рассматривающийся как средство достижения святости, претерпевает смысловую мутацию, преобразуясь через исторические коннотации (смысл слова «молчание» как выражение гордыни или ограниченности ума) в оппозицию ПУСТОСЛОВИЕ (в значении идеологической пропаганды). Поскольку в романе «Обитель» со структурно сложным концептом БЕЗМОЛВИЕ связана тематически единая культурно-историческая ситуация, организованная в виде совокупности иерархически расположенных и взаимодействующих друг с другом метафорических элементов, оппозицию БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ можно отнести к фрейм-структуре. Концептуальная оппозиция БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ используется писателем с целью создания системы образов и для формирования основной идеи произведения, связанной с поиском причин духовного кризиса русского общества начала XX столетия.

EN

The conceptual opposition SILENCE – EMPTY TALK in the Artistic space of Zakhar Prilepin's novel "The Monastery": A cognitive and semantic aspect

M. M. Glazkova

Abstract. The article is devoted to the study of the structural features and artistic functionality of the mental concepts SILENCE and EMPTY TALK, identifying the subframes that form synonymous paradigms with them and are included in their conceptual fields. The purpose of the research is to verify the truth of the hypothesis about the dynamism of the axiologically significant concept SILENCE for the spirituality of society, which formed a structured system based on the conceptual opposition of SILENCE and empty words; about the polyfunctionality of the opposition of SILENCE and empty words in the artistic space of the work. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time Zakhar Prilepin's novel "The Monastery" is studied from the point of view of the basic concept of SILENCE and its opposite, the concept of EMPTY TALK, in terms of cultural and historical development and mental characteristics of Russian society. The article analyzes the concept SILENCE, taking into account the entire complex of cognitive and mental features; the content of its primary meaning is revealed; the connotations of the poles of the stated antinomic opposition and its functions are analyzed. Based on the analysis carried out, the following results

were obtained: the actual meaning of the concept SILENCE, which is semantically close to the concept REPENTANCE, considered as a means of achieving holiness, undergoes a semantic mutation, being transformed through historical connotations (the meaning of the word "silence" as an expression of pride or narrow-mindedness) into the opposition of EMPTY TALK (in the meaning of ideological propaganda). Since the novel "The Monastery" has a thematically unified cultural and historical situation associated with the structurally complex concept of SILENCE, organized as a set of hierarchically arranged and interacting metaphorical elements, the opposition of SILENCE and empty talk can be attributed to the frame structure. The conceptual opposition of SILENCE and EMPTY TALK is used by the writer to create a system of images and to form the main idea of the work related to the search for the causes of the spiritual crisis of Russian society at the beginning of the twentieth century.

Введение

Актуальность выбранной темы обусловлена потребностью наук социально-культурной сферы в глубоком изучении концептов – ментальных языковых констант, в совокупности своей образующих национальную концептосферу. Для сохранения культурного кода носителей языка, интерпретации культурологического слоя, определения языковой и социокультурной конвенциональности необходимо воспроизведение концептуальной и языковой картин мира, которое возможно лишь при осуществлении концептуального анализа. Значимость обращения к концептам-оппозитам БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ в романе Захара Прилепина «Обитель» предопределена их статусом базисных ментальных единиц, исследуя которые на материале произведения писателя-современника, важно зафиксировать своеобразие их использования с точки зрения семантики и структуры, отражение данных концептов вторичными знаковыми системами.

В задачи настоящего исследования входит: раскрыть первосмыслы концептов БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ; обнаружить репрезентанты, образующие концептуальные поля оппозитивных концептов; определить лексико-семантическую, ассоциативно-семантическую и структурную особенности оппозиции БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ; выявить основные функции концептуальной оппозиции БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ в романе Захара Прилепина «Обитель».

Теоретической базой исследования послужили работы, посвящённые изучению концепта (его статуса и структуры), когнитивной семантики (Минский, 1979; Ляпин, 1997; Лихачев, 1999; Карасик, 2002; 2003; Попова, Стернин, 2007; Вахштайн, 2007; Горяинова, 2010; Гончарова, 2013; Сухих, 2015; Попова, 2015; 2016; Бердникова, 2017; Болдырев, 2019; Семухина, Шиндель, 2021; Борисова, Иванова, Чуева, 2024; Коврыгина, Павловская, Коврыгина, 2023; Сидоренко, 2022; Дзюбенко, 2024).

Поиск первосмыслов исследуемых концептов, их десигнатов, появившихся в процессе социально-культурного, исторического развития, осуществлялся с помощью следующих источников справочной литературы:

- Берында П. Лексикон славеноросский и имен толкование. К.: Типография Киево-Печерской лавры, 1637;
- Большой академический словарь русского языка: в 30 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 1 (далее – БАС);
- Колесов В. В., Колесов Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1-2;
- Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. Т. 1;
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893. Т. 1;
- Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001;
- Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ, 1935. Т. 1-2 (далее – ТСРЯ);
- Энциклопедический словарь символов / авт.-сост. Н. А. Истомин. М.: АСТ; Астрель, 2003.

В работе применялись следующие методы исследования: семантико-когнитивный, базирующийся на соотношении семантической квалификации концептов с концептосферой нации, с особенностями их функционирования в современной коммуникативной среде; концептуальное моделирование, позволившее определить структуру оппозиций БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ как фрейм-структуру; метод контекстуального анализа, давший возможность вербализировать смыслы ассоциативно-семантического поля, а также лексико-семантического, с учётом конкретного контекста; метод дискурсивного анализа, предполагающий реализацию интерпретации понятий на основе выявления социального контекста.

Источниками материалов исследования послужили следующие работы:

- Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. Париж: YMCA-PRESS, 1934;
- Бранчанинов И. Полное собрание писем: в 3 т. М.: Паломник, 2011. Т. 3. Переписка с мирянами / сост. О. И. Шафранова;
- Лествичник Иоанн, преп. Лествица. М.: Правосл. братство св. ап. Иоанна Богослова, 2001;
- Прилепин З. Обитель. Роман. М.: АСТ; Редакция Е. Шубиной, 2015;
- Сирин Ефрем, преп. Собрание сочинений: в 8 т. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1912. Т. 3.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования её материалов в процессе преподавания дисциплин, предполагающих получение знания путём анализа языковой объективации фреймового

представления, исследование и организацию дискурсов с актуализацией лексико-семантического анализа языковых единиц национальной концептосферы: общего языкознания, современного русского языка, лингвистического анализа текста, лингвокультурологии и других.

Обсуждение и результаты

Изучение индивидуально-авторской картины мира, концептосферы художественного текста является, на наш взгляд, актуальным подходом в постижении авторской интенции художественного произведения.

Через художественное пространство романа Захара Прилепина «Обитель» проходит концептуальная оппозиция БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ, организуя концептосферу произведения и символизируя две цели жизненного пути – достижение бессмертия или следование законам неудержимой свободы, ведущей к гибели человеческой души.

К базовым терминам данной работы относятся «концепт», «первосмысл» (ядро концепта) и «фрейм-структура», активно разрабатываемые в современной науке. В настоящее время в понимании и трактовке концепта выделяются когнитивный и лингвокультурный подходы, различающиеся субъектно-объектной ролью индивидуального сознания и культуры (Карасик, 2002). Согласно лингвокультурному подходу, концепт определяется как «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов, 2001, с. 43), отличающийся многомерностью и представляющий собой «бытийно-культурное... формообразование» (Ляпин, 1997, с. 21). Ю. С. Степанов понятие «концепт» семантизирует как определенное количество базовых слов, составляющих «основу духовной культуры всякого общества» (2001, с. 6). Концепты являются основными единицами, составляющими языковую картину мира, характеризующимися как структурные компоненты «языка ментальных построений», направленные на изучение языка, сознания и культуры (Карасик, 2003, с. 17). Когнитивный подход квалифицирует концепт как «квант знания», «мыслительный конструкт» (Гончарова, 2013, с. 225). Важные акценты в трактовке концепта сделали З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007), определив его как базовую единицу мыслительного кода человека, отметив его дискретность, структурированность и когнитивную сущность. Теория концепта получила развитие в работах В. В. Колесова, который ввёл термин «ядро концепта», назвав его «первосмыслом» и «концептумом», объясняя это тем, что ядерная зона концепта, представляя древний первообраз, является константной, неизменной единицей языка, а потому оказывается истоком развития концепта. По В. В. Колесову, концепт сопрягается с ментальностью, служит способом его выражения и образует в языке «единицу ментальности». Сопоставляя концепт с понятием, В. В. Колесов отмечает устойчивость, постоянство, независимость первого «от формы его представления (объективности) в образе, символе или понятии». Концептум есть сущность, явлением которой выступает понятие (посредством содержательного концепта), при этом концепт всегда противопоставлен концептуму как сущность ее первосмыслу» (Колесов, Колесов, Харитонов, 2014, т. 1, с. 535).

Представляется важным отметить, что лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к интерпретации понятия «концепт» «не являются взаимоисключающими... разделение движения вовне и вовнутрь является исследовательским приёмом, в реальности движение является целостным и многомерным процессом» (Карасик, 2002, с. 97).

Когнитивная теория языка в рамках когнитивного подхода освещена в трудах Е. С. Кубряковой и Н. Н. Болдырева, выделивших концептуализацию и категоризацию как ключевые понятия любой когниции. Н. Н. Болдырев подчеркивал: «Концептуализация – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т. е. фиксированных в сознании человека единиц знания)... Основная часть этих концептов закрепляется в языке значениями конкретных слов...» (2019, с. 48).

Можно сделать вывод о том, что этимология концепта включает те же источники, что и языковая картина мира: лингвокреативную деятельность человека, отражающую специфику его чувственного опыта, практической деятельности, продуктивного мышления, связанного с языком и преломлённого через его формы. Как отмечено выше, концепт отличается структурированностью. В полевой структуре концепта находятся его ядро, связанное с национальным языком, заключающее основной призрак; пассивный слой, вербализирующий дополнительные оттенки, ситуативно-исторические; активный слой, актуальность которого обусловлена общечеловеческим универсальным значением (Степанов, 2001). Совокупность концептов, присущих носителю языка, образующих его языковую и концептуальную картину мира, составляет национальную, коллективную или индивидуальную концептосферу (идиосферу) (Лихачев, 1999, с. 153). Концептосфера, так же как и концепт, характеризуется полевой структурой, в которую входят центральная часть, объемлющая наиболее актуальные концепты, и периферийная часть. Структура частей концептосферы подвержена изменениям ввиду появления новых ментальных единиц, особенностей их взаимодействия, мутации смыслов. Концепты как элементы концептосферы пересекаются друг с другом, в основе имбрикации находится схематический или структурный признак (Степанов, 2001). Из числа типов классификации концептов универсальной представляется классификация Ю. Н. Караулова. В ней связи между ментальными единицами разделяются на три группы: привативные оппозиции, предполагающие отношения иерархии; эквиополентные оппозиции, в основе которых – сходство, различие, пересечение, близость, контраст; дизъюнктивные оппозиции, характеризующиеся отсутствием общих элементов (Гончарова, 2013). К актуальным концептам относятся ментальные единицы, которые входят в группу рейтинга наиболее значимых устойчивых концептов культуры, – Ю. С. Степанов называет их константами.

Известно, что в когнитивной лингвистике существуют два подхода к понятию фрейма: фрейм понимается как структура знания; часть когнитивной системы человека; и фрейм трактуется как структура представления знания, то есть инструмент представления когнитивной структуры. Очень значимым является соотношение понятий «фрейм» и «концепт». Концепт учёные считают родовым понятием по отношению к фрейму.

Разработке теории фреймов посвятили свои исследования Г. Бейтсон, М. Минский, И. Гофман, трактующие фрейм как «метакоммуникативное образование», являющееся зеркалом повседневной коммуникации, как «матрицу событий» (Вахштейн, 2007, с. 147), заключающую в себе многочисленные референции. Являясь сложной иерархической структурой, фрейм характеризуется двуединством: с одной стороны, данная когнитивная единица обладает признаком устойчивости, константности, с другой – динамичности, поскольку имеет потенциал развития из конвенционального начала (Семухина, Шиндель, 2021, с. 22). При объективации взаимосвязи языка и мышления, вербализации стереотипных ситуаций «стандартные схемы, фиксируемые фреймами, подвергаются деконструкции, что обуславливает создание новых фреймовых структур» (Дзюбенко, 2024, с. 2565). В сфере культурологических исследований фреймы наделяются статусом «культурных инвариантов», соотносимых с культурными кодами, обрастающих вариантами в референтных ситуациях и пространствах (Горяинова, 2010). Данное культурологическое понимание фрейма с соответствующим профилированием применимо к когнитивной лингвистике в аспекте постижения фреймовой семантики, семантического статуса фрейма и его парадигмы.

Структура фрейма подобна сети, включающей в себя взаимосвязанные узлы (слоты) – смысловые ячейки (Минский, 1979, с. 101-102), расположенные в системе фрейма иерархически: на верхнем уровне находятся конвенциональные узлы, следующий уровень занимают факультативные узлы («терминальные слоты», «терминалы»), обеспечивающие экспликацию инварианта. Факультативные узлы могут быть имплицитны и эксплицитоваться через семантико-грамматическую экспликацию последующими слотами в их парадигмах. Весьма разветвлённая структура нижнего фрейма с объёмными слотами лексикографируется исследователями термином «субфрейм» (Семухина, Шиндель, 2021, с. 21). Фреймы, основу структур которых составляют антиномичные понятия, называют «суперфреймами» (Семухина, Шиндель, 2021, с. 24).

Структура представления в художественном тексте концепта БЕЗМОЛВИЕ в его семантической противоположенности концепту ПУСТОСЛОВИЕ является, по нашему убеждению, разновидностью фрейм-структуры, «суперфреймом», то есть более сложной, иерархически организованной архитектурой, двуплановость структуры которой определяется семантической антиномией.

Н. Н. Болдырев подчеркивал: «Фрейм – это объёмный, обычно иерархически организованный, многокомпонентный концепт, представляющий собой “пакет” информации, знания о стереотипной ситуации» (2019, с. 57). Таковым и является напряжённый духовный подвиг, составляющий основной смысл концепта БЕЗМОЛВИЕ, который относится к сфере религии христианства, что обуславливает необходимость обращения к дискурсу православия как типу институционального понятия с учётом специфики его сложной структуры.

Исследование феномена концепта БЕЗМОЛВИЕ предполагает когнитивный и культурологический подходы, которые вызывают необходимость рассматривать его в качестве «культурно-ментальной языковой единицы», входящей в «когнитивную научную парадигму» и характеризующейся «понятийностью и аксиологичностью» (Коврыгина, Павловская, Коврыгина, 2023, с. 28). БЕЗМОЛВИЕ – это и библейский концепт, находящийся в одной семантико-аксиологической плоскости с концептами БЛАГОДАТЬ, ВЕРА, ПОКАЯНИЕ, СПАСЕНИЕ ДУШИ, связанный с ними культурно-исторически и семантически. Концепт БЕЗМОЛВИЕ образует разветвлённую парадигму с множествами коннотаций, отражающую трудный путь Спасителя по пустыне, его жертвенную гибель на кресте во имя спасения людей, суть христианской православной религии, заключающуюся в любви и добродетели, покаянии, искуплении грехов, среди которых клевета, сквернословие, празднословие, осуждение. В Соборном послании святого апостола Иакова сказано: «Язык – огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет всё тело и восплаеет круг жизни, будучи сам восплаем от геенны. Язык укротить из людей никто не может: это неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда. Из тех же уст исходит благословение и проклятие» (Иак. 3:6-8). Об этом говорит более мягко русская пословица: «Слово – серебро, а молчание – золото».

В романе «Обитель» антонимом концепта БЕЗМОЛВИЕ является ПУСТОСЛОВИЕ, в котором закодирован смысл, обнажающийся в репрезентантах, представляющих все названные грехи, почвой для которых стала сложная послереволюционная эпоха. Именно это понятие выбрал З. Прилепин для обозначения фразёрства людей, пользующихся «чужими словами» (2015, с. 177), социально-политическими штампами, представляющими собой клишированную лексику пропагандистской сферы. В романе сотрудница ИСО Галина Кучеренко во время допроса заключённого Артёма Горяинова предлагает ему «*встать на путь перековки*» (Прилепин, 2015, с. 178). Репрезентантом концепта ПУСТОСЛОВИЕ является семантический компонент, прямой смысл которого связан с осознанием героиней своей гражданской и нравственной позиции, имплицитно заключающий в себе значение грубого навязывания фискальства. Смысл слова «пустословие» обозначен в «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова так: «Пустота – самодостаточная бессодержательность ничем не затененного пространства, времени, места (пустыня, пустошь, пустырь) или объема (полость пустоты)» (Колесов, Колесов, Харитонов, 2014, т. 2, с. 139).

В «Словаре русской ментальности» концепт ПУСТОСЛОВИЕ лексикографируется с константными коннотациями – в отношении концепта БЕЗМОЛВИЕ фиксируются дефиниции, не совпадающие с первосмыслом.

Если в труде П. Берынды «Лексикон славеноросский и имен толкование» концепт БЕЗМОЛВИЕ объясняется как «молчание, тишина» (1637, с. 4), а в работе И. И. Срезневского запечатлён в лексемах «безмолвство – спокойствие», «безмолвный, покойный, тихий», «безмолвствовать – жить в тишине, уединении» (1893, с. 59),

то у В. В. Колесова БЕЗМОЛВИЕ заменяется словом *молчание*, означающим «полный отказ человека или природы от речи, несмотря на наличие сил и мыслей» (Колесов, Колесов, Харитонов, 2014, т. 1, с. 34). Затем концепт БЕЗМОЛВИЕ трактуется им как молчание, тишина и душевный покой, хотя традиционно всегда связывался со смыслами: «мудрость», «отрешенность от земного». Разница заключается в том, что слово «молчание» может означать одновременно «ограниченность ума и надменность», а концепт БЕЗМОЛВИЕ как знак духовного подвига всегда сохраняет оттенок «величественности» (Колесов, Колесов, Харитонов, 2014, т. 1, с. 34).

Знаменательно, что в словаре Д. Н. Ушакова, составленном в начале XX века, наряду с положительным смыслом концепта БЕЗМОЛВИЕ, «Безмолвный – это молчаливый, без слов, спокойный, мирный, исполненный тишины и безмолвия» (ТСРЯ, 1935, т. 1, стб. 111), приводится значение глагола «молчать – безропотно, без жалоб, без протеста терпеть, сносить что-н.» (ТСРЯ, 1935, т. 2, стб. 252).

В «Словаре русского языка» и «Большом академическом словаре русского языка», помимо устоявшихся значений, связанных с пониманием концепта БЕЗМОЛВИЕ, представлены следующие: «молчание, отсутствие звуков» (Словарь русского языка, 1985, с. 83) и «молчащий» (БАС, 2004, с. 483), присутствуют толкования глагола *безмолвствовать*: «хранить полное молчание, молчать» (Словарь русского языка, 1985, с. 83), «не давать о себе знать, не проявляться» (БАС, 2004, с. 483), «не произносить ни слова, молчать “Народ безмолвствует”. Пушкин.» (БАС, 2004, с. 483).

В поэме А. С. Пушкина «Борис Годунов»: «Народ безмолвствует». Однако концепт БЕЗМОЛВИЕ служит проявлением народного отношения, суровым осуждением временщиков. Как видим, в словарях со временем появляется искажённая семантика концепта БЕЗМОЛВИЕ.

В «Словаре русской ментальности» концепт БЕЗМОЛВИЕ зафиксирован как «абсолютное величественное молчание» (Колесов, Колесов, Харитонов, 2014, т. 1, с. 34). Это устоявшееся, не отражающее концептуальное определение, дополненное антиномическими коннотациями, образующими концептуальную структуру, приведено в художественном тексте З. Прилепина, который свидетельствовал на художественном уровне, что концепт БЕЗМОЛВИЕ был практически забыт.

Антиномичная оппозиция БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ (словоблудие, суесловие) выполняет функцию выявления идеи романа Захара Прилепина, поэтому она, многократно варьируясь, образует главный мотив произведения. Данные элементы концептуальной системы, кодируя многообразную семантическую информацию, имеют статус вершинных узлов двухполюсной структуры.

Концепт ПУСТОСЛОВИЕ декодируется посредством множеств лингвистических ситуаций, порождаемых конкретными сценариями. Пустословие главного героя Артёма имеет невербальную и вербальную формы проявления. В создании образа протагониста З. Прилепин прибегает к использованию интертекста, а именно цитаций и варьированных текстов. Главный герой очень любит поэзию: с интересом прислушивается к речи Бурцева, затронувшего вопрос о преимуществе Брюсова над Бальмонтом; к разговору о Серебряном веке на вечере у Мезерницкого; суть ощущения себя в данной действительности определяет есенинским «*Не по флису, не по бархату хожу*» (Прилепин, 2015, с. 187, 256); в расстрельной камере создаёт коллаж из поэтических произведений. Герой романа Прилепина – «тип читателя-варвара» (Попова, 2015, с. 147), начитавшегося «всякой дряни» (Прилепин, 2015, с. 27) и живущего без цели и без Божьего слова. Подход Артёма к поэзии лишён какой бы то ни было избирательности – он увлекался любыми стихами, которые механически, машинально, при этом бесцельно, заучивал. Не в состоянии отличить истинную поэзию от низкопробной, он наслаждался стихами никому не известного Бориса Ширяева. Артёма привлекала его поэтическая манера сочинять *стихи «с чужих голосов»* (Прилепин, 2015, с. 27). Концепт ПУСТОСЛОВИЕ, выполняя функцию лексического инварианта, образует коннотации, объективированные в использовании протагонистом лексических сочетаний – «чужих слов», сводящиеся воедино в факультативном слоте. Структура знания слота зафиксирована в репрезентантах: «...Раскаивался я и в том, и в этом дне! Как бы чистилище работало во мне! <...> С невыразимой словами быстротой... я исповедовал себя... перед собою...», «...Мерещится, что вышла в круге снова... вся нечисть тех столетий темноты... <...> Кровь льётся из Бориса Годунова... у схваченных... ломаются хребты...», «...В вышних живый, Христе Царю... на страсти вельми подвизался еси... спасай нас молитвой твоей, Серафиме... вся тварь Тебе служит... Ты бо еси Спас...», «...стихи, молитвы, нечисть, скучные ему церковные службы, тварь и спасение» (Прилепин, 2015, с. 668–669). Этот вариант можно назвать «поэтическое пустословие».

Автор «Обители», показывая проблему моральной деградации общества в формате новых историко-культурных реалий, когда человек морально «опрокинут» в мире, охваченном «полидемонизмом», «духовно дезорганизован» (Бердяев, 1934, с. 80–81), актуализирует значение подвига БЕЗМОЛВИЯ, напоминающего людям о его спасительной сущности. БЕЗМОЛВИЕ подобно «чистым зеркальным водам» (Брянчанинов, 2011, с. 533), в которых человек видит состояние своей души и душ других людей. Отрекшись от зла и соблазна, пребывающий в БЕЗМОЛВИИ, начинает беспрестанно «службу Богу» (Лествичник, 2001, с. 229) и поднимается в сферу «выше страстей» (Сирин, 1912, с. 100). Безмолвники молятся за весь мир, чтобы низвести благодать на землю. В романе БЕЗМОЛВИЕ связано не только с семантикой «отсутствие звуков и сдерживание эмоций», но и с аскетической традицией молчаливчества, нацеленной на познание Бога, победу над страстями. Сформированный под влиянием христианской картины мира, лингвокультурный концепт БЕЗМОЛВИЕ является частью общенациональной культуры.

Концепт БЕЗМОЛВИЕ образует парадигму, семантически воплощаясь в двух терминалах, которые объективируются в романе в вербальной и невербальной формах. Именно обе формы коммуникации необходимы для развёртывания фрейма с целью раскодирования заключённого в нём знания и сопряжённого с последним

образа, сформировавшегося в сознании русского человека. Фрейм МОЛЧАНИЕ репрезентируется невербальными кинетическими средствами в изображении социальной референтной ситуации и мысленной беседе с Богом отрехшихся от звучащего слова молчалиников, сознание которых рождает конкретные лексические компоненты, актуализирует их, утверждая христианское мировоззрение в качестве основы существования духовного источника, единого культурообразующего фактора. Фреймовое поле включает репрезентанты: *основатель монастыря, внимать, праведное дело, извиняющийся и тихий вид, труды молитвенные, монах-пустынник, молчит, безмолвный*. Терминальный фрейм МОЛЧАНИЕ эксплицирует базовый концепт БЕЗМОЛВИЕ, который, являясь значимой единицей культурной картины мира, демонстрирует особенность ментальности русского человека с духовной доминантой. 3. Прилепин в романе «Обитель» изображает трансформацию молчания – религиозного ритуала в молчание – духовную практику, направленную на совершенствование души. Концепт БЕЗМОЛВИЕ в романе расширяется репрезентантами, являющимися ценностными доминантами, определяющими тип культуры, отражающимися в языке.

Референтная ситуация с Эйхманисом представляет собой по сути полемический диалог в форме монолога. Речь героя, посвящённая социально-политическому дискурсу, построена на контрарности лексем «*пролетариат*» и «*Христос*» (Прилепин, 2015, с. 271), семантическое наполнение которых осуществляется через своеобразные коннотации, дифференцирующей семой которых является сема *благо*. Эйхманис, видя в религии духовную мощь, с раздражением, возмущением и злобой рассуждает о проблеме дилеммы «*пролетариат – Христос*». Он приписывает большевистской идеологии принципы благодетельности («*пролетариат – это правда, это сила, способная спасти “изнутри гнилую” Россию*») и соборности («*пролетариат поселил тут всех*») и в то же время признаёт нетленность христианского идеала (Прилепин, 2015, с. 271). Начальник лагеря жёстко и пафосно говорит о важнейшей задаче большевиков, заключающейся в победе над «*попами*», которая должна решиться за десять лет, – за патетикой соратника Троцкого, Эйхманиса, стоит неуверенность в собственном утверждении, он убеждает не Артёма, а прежде всего себя.

«Святым сказкам» Феофана Эйхманис парадоксальным образом противопоставляет жизнь и творчество Достоевского. Харизматичный демагог, он оценивает писателя истинно христианской идейной направленности как атеиста, а жёстким условиям царской тюрьмы, где заключённых заковывали в кандалы и секли, ставит в противовес мягкие условия лагерников в Соловецком монастыре. Артём, подумав о том, как его охаживал Крапин дрыном по спине, оставался во власти вранья и Эйхманиса: вкусный обед с начальником позволял ему ощущать, что он «из твари дрожащей» стал «*право имеющим*» (Попова, 2016, с. 97). Когнитивным механизмом, лежащим в основе интерпретации смысла инварианта, является атеистическое пропагандистское пустословие, вербализирующееся через совокупность общественно-политической лексики (*Россия, пролетариат, революция, заключённые, железная дорога, психоз, торфоразработки и т. д.*), религиозной лексики (*Христос, Бог, Антихрист, русское священство, монах, келья и т. д.*), лагерной лексики (*казры, вздёрички и т. д.*), инвективной лексики (*мразь, расстрелять, идиотизм, передохли, гноблю, заткнуться, длиннополые и т. д.*) (Прилепин, 2015, с. 271–278).

Авторская позиция заключается в отрицании отрижения христианских ценностей от души народа. Повествователь утверждает, что действием «*спасительного молчания*» можно создать нового человека «*в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа*» (1Пет. 3:4), потому что подвиг БЕЗМОЛВИЕ подразумевает не простое «*отсутствие разговорчивости*», а «*высоту смирения духа*», то есть *освобождённость человека от греха тщеславия, гордыни и памятозлбия*. Слот «*спасительное молчание*» представляет собой ценностный слой концепта БЕЗМОЛВИЕ, поскольку является частью русского мировосприятия и ценностью русской культуры.

Носителями, проводниками идеи незыблемости христианского идеала, воплощённой в слове, в романе являются святые отцы, сохранившие верность церкви (Зиновий, Феофан и Иоанн). Подвижнический смысл БЕЗМОЛВИЯ, по сути, принимает чекистка Галина Кучеренко, упоминая о факте лжи как в среде заключённых, так и в структуре управления лагерем. Образная основа лексемы *ложь* связана с эмоциональным состоянием героини, «*формирует символическое пространство вокруг неё с позиции нормативно-оценочных характеристик*» и «*имеет негативную эмотивно-оценочную коннотацию*» (Борисова, Иванова, Чуева, 2024, с. 2522). Лексемы *ложь, враньё* входят в семантико-мотивационное поле концепта ПУСТОСЛОВИЕ и являются его репрезентантами. На этом фоне низменной морали возвышается праведность монаха-отшельника, которого обнаружили в земляной норе. Признание Галины в том, что все врут, кроме этого монаха, звучит в контексте её сопоставления себя с отшельником, при этом героиня не осознаёт нелепости и кощунственности уподобления своей страсти к Эйхманису любви к Богу. Десигнат фрейма МОЛЧАНИЕ наполняется отрицательной семантикой. Такое ошибочное восприятие подвига БЕЗМОЛВИЯ объясняется в ходе романной наррации связью персонажей романа с бесовскими силами. Семантические компоненты *бешеный, бес* характеризуют семантически производную *пустословие*. Не случайно Галина названа автором-повествователем «*бешеной женщиной*» (Прилепин, 2015, с. 300).

Лингвокультурный концепт отражает сознание народа, содержащее в «одной форме несколько значений <...> разделённых между несколькими формами»; значение лексемы может меняться «не только градуально, но и противоположно» (Сидоренко, 2022, с. 217). Таким является концепт БЕЗМОЛВИЕ, который в художественном пространстве романа «Обитель» образует субфрейм, специфичный тем, что в его структуре выявляется развитие на основе семы *разрушение*. Обнаруживаются два слота: спасительное молчание и губительное молчание; последний выполняет функцию имбрикации оппозитивных концептов БЕЗМОЛВИЕ/ПУСТОСЛОВИЕ, играет важную роль в построении логико-понятийной системы. МОЛЧАНИЕ несёт следующие чёткие коннотации: *надменность; неспособность к выражению своих мыслей; отсутствие слов*;

ограниченность ума и чувств. Так, Мезерницкий, рассуждая о сущности Соловков, которые есть вывернутая наизнанку империя, называет народ *тёмным и безмолвным*. Адъективная характеристика «*тёмный и безмолвный*» повторяется, варьируясь, обретая уточнения «*страшный*», «*душно пахнет*» (Прилепин, 2015, с. 231). Концепт БЕЗМОЛВИЕ репрезентируется посредством прилагательного *безмолвный*, которое, эксплицируясь, обнаруживает отрицательную семантику.

Отрицательный смысл лексемы *безмолвный* заключён в авторском комментарии пения Моисея Соломоновича. Несмотря на звучный проникновенный голос, способный рисовать картины, поющий обнажает отношение не уважения, а нейтральности. Лексические единицы *огромное пространство*, *солнечный луч*, «*безмолвные мужики стоят ратью до горизонта*» (Прилепин, 2015, с. 235) становятся репрезентантами концепта ПУСТОСЛОВИЕ. Автор подмечает в пении «ироничность», «отстранённую нотку» и пребывание певца «снаружи» песни, поскольку оценка этим героем русского человека основана на поверхностном восприятии: Моисей Соломонович не способен оценить красоту и многогранность русской природы – безмолвие русского мужика сопрягается им с интеллектуальной убожеством и отсутствием образованности.

Первосмысл концепта БЕЗМОЛВИЕ обретает отрицательное значение в эпизодах, изображающих пребывание Артёма Горяинова в штрафизоляторе на Секирке. Репрезентант концепта «*безмолвный колокольчик*» становится символом искоренения православия и знаком смерти, кощунственной жестокости и обмана. Пьяный чекист, с улыбкой, «присползшей, как штаны с бесстыдного зада» (Прилепин, 2015, с. 264), нежнейшим звоном колокольчика оповещал о расправе над очередным заключённым, под звон колокольчика обречённый следовал к месту расстрела. Референция лексемы *безмолвный* обуславливает ее негативное семантическое наполнение. Колокольчик, *нежно звенящий или безмолвный*, является пародийной аллюзией на величавый звон и монументальное, сакральное молчание церковных колоколов, низверженных с куполов храмов.

О. А. Бердникова в статье «Роман З. Прилепина “Обитель” как феномен современной русской прозы: контексты понимания» справедливо оценивает этот роман как произведение о русском человеке трагической эпохи рубежа веков, которое обозначает традиционные типичные вопросы и даёт на них нетривиальные ответы, представляя читателям несколько контекстов понимания. Следуя традиции русской классической литературы, З. Прилепин ставит в романе вечный вопрос «кто виноват?» и отвечает, что виноваты все (Бердникова, 2017). В справедливости данного высказывания позволяет убедиться концептуальный анализ референтной ситуации, представленной писателем.

В художественном пространстве романа «Обитель» идея виновности именно всех в факте полной нравственной деградации, культа жестокости, насилия и лжи сопрягается с новым пониманием концепта БЕЗМОЛВИЕ, конвенциональный смысл которого претерпевает семантическую мутацию: дефиниция «*духовный религиозный подвиг*» заменяется негативной коннотацией «*надменное, горделивое или мучительное молчание*» людей, потерявших веру в Бога, а с ней – в возможность изменения реальности.

По мысли О. А. Бердниковой (2017), главным «контекстом понимания» является христианство. Автор статьи отмечает, что люди приходят в святую обитель, движимые жадой покаяния и спасения, уповая на Бога. Захар Прилепин в своём романе создаёт разные модели спасения (через любовь, природу, культуру). Концептуальное поле БЕЗМОЛВИЯ расширяется репрезентантами *любовь, лес, дерево, христианство, фреска, святой лик*. Писатель утверждает единственно верный путь, через веру в Бога, – протагонист остаётся с пустым сердцем как в соприкосновении с культурой, так и в отношениях с Галиной, а в религиозном вопросе демонстрирует нигилизм. Характерным является эпизод общего покаяния на Секирке, когда единственно Артём остаётся невовлечённым, а его перечисление грехов звучит как изуверство. Концептуализация объективируется семантическими единицами («Я», «А то...», «Сдесь я!» (Прилепин, 2015, с. 561)), в которых профилируется субъект речи («Я») в его противопоставлении с конвенциональной семантикой БЕЗМОЛВИЯ.

Антиномия БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ, организуя концептосферу романа Прилепина, отражает контраст жизненных реалий, представленных лексико-семантическими оппозициями, референтами которых являются новая этика десакрализованного общества, утверждаемая и пропагандируемая Эйхманисом, и безмолвие монахов, расцененное им как выражение гордыни и бунтарства, но в социально-культурном и историческом значениях оно, напротив, представляет собой аксиологическую ценность и выполняет функцию соборности.

Компонентом семантики лингвокультурного концепта БЕЗМОЛВИЕ является когнитивная память слова – смыслы языкового знака, конвенционально обусловленные, связанные с системой духовных ценностей носителя языка. В безмолвии святых отцов заключались преданность вере, готовность пострадать за неё, искупить чужие грехи, донести слово Божие до людских сердец. А надменность в молчании и пустословии содержится в речах Эйхманиса, Артёма и всех тех, чьё желание – пресечь неудобные разговоры и извлечь для себя выгоду.

Концепт БЕЗМОЛВИЕ в романе обретает амбивалентность, поскольку является семантически полифункциональным. Связанный с кореферентами **образы подвижников и стойких неуязвимых отшельников**, концепт БЕЗМОЛВИЕ, объективируя картину мира русского человека, реализует авторский замысел о неразрывной его связи с православным христианством.

Экспликация концепта БЕЗМОЛВИЕ, связанного с идеей укоренённости в православии, осуществляется посредством включения в канву романа лексического варианта *дерево*. В Библии и «христианской иконографии» *дерево* – символ дарованной Богом жизни, указывающий на жизнь, смерть и воскресение» (Энциклопедический словарь..., 2003, с. 191). Лексическое сочетание *отмершее сухое дерево* образует семантическую корреляцию с лексемой *грех*. В иудейской легенде говорится о том, что праотец Авраам посадил дерево, с помощью которого он мог определить истинно верующих и идолопоклонников. Святые молчаливники вызывают у Артёма

ассоциации с *сухими деревьями*. Привидевшийся в лесу старик, худой, но твёрдо стоявший без опоры, с белёсой бородой, протягивающий ягоды Артёму, казался ему вросшим в землю, как *дерево*, прочно укоренённое в земле. Также в романе лексема *дерево* образует коннотацию *фабрика*. Образ леса находит в сознании Артёма метафорическое воплощение фабрики, в которой «всё механически стучит и движется». Семантическая парадигма слота *дерево* с контрарными коннотациями свидетельствует о том, что протагонист ощущает подмену духовных ценностей, уродующее души и жизни людей пустословие, тяжесть своих грехов, но не осознаёт смутных переживаний, отстраняется от них, поскольку причастность святому Кресту требует от человека выдержки и самоотречения, на которые Артём не способен.

Как видим, в поле концепта БЕЗМОЛВИЕ входит фрейм МОЛЧАНИЕ, который включает в свою фреймовую парадигму слоты, характеризующиеся семантической двуплановостью: коннотация *спасительное молчание* (молчат перед властями отец Феофан, отец Зиновий, бывшие монахи) и коннотация *губительное молчание* (молчание надменное у Эйхманиса и Артёма, у Сорокина и Галины). Монахи-молчаливники отсекали от себя мирскую суету с соблазнами и злом, посвятили себя служению Богу, тем самым явив пример любви к Богу и людям. Идея молчания позволяет носителям русской культуры точнее обозначить молчаливое поведение референта ситуации.

В понимании других героев романа семантика лексемы *свобода* определяется коннотацией с лексемами *объедаться, сладострастничать, празднословить, злословить, мстить, наказывать* таких же, как и они, несчастных людей. Референтная ситуация «мнимая свобода» была названа Ф. М. Достоевским своеволием.

В романе З. Прилепина «Обитель» *губительное молчание* обрастает коннотационной парадигмой. *Молчание* Артёма в ситуациях, где референтами выступают разъярённый Ксива, Афанасьев, можно обозначить признаком «*томительное*»; *молчание* Эйхманиса в общении с заключёнными, сотрудниками лагеря, святыми отцами – «*пугающее*»; *молчание* Моисея Соломоновича – «*неловкое*», что чаще всего эксплицируется смыслами «гордыня», «тщеславие», «ненависть», «злость» и другими отрицательными признаками, коррелирующими с религиозной картиной и картиной мира неверующего человека, далёкого от традиционной нравственно-эстетической шкалы.

Грех ПУСТОСЛОВИЯ представляет нижний полюс фрейм-структуры романа «Обитель». Показателен образ Филиппка, «мелкого мужичка». Его коммуникативное поведение объективируется лексическими сочетаниями высокого стиля: «*Я молитвенно совершаю свой труд*» (Прилепин, 2015, с. 70); обращения к Богу и молитвами. В реальности он отличается абсолютной ленью тела и души – не любит работать и никогда не молится. Не случайно заключенные, характеризуя мужичка, используют лексемы «малоростый», «мелкий», «потешный мужичок», «мужичок с ноготок» (Прилепин, 2015, с. 86). Артём узнаёт, что Филиппок безжалостно убил свою мать. Уменьшительно-ласкательное «*матушка*» Филиппка в разговоре с лагерниками является профанацией, поскольку ни жалости к погубленной им жизни, ни раскаяния он не испытывает. Поле концепта ПУСТОСЛОВИЕ расширяется репрезентантами: *матушка*, «*Потяну лямку, пока не выроют ямку*» (Прилепин, 2015, с. 86), «*приговаривая что-то*» (Прилепин, 2015, с. 90), «*молитвенно, Господь*» (Прилепин, 2015, с. 70). Характеризующиеся отсутствием смысловой наполненности, данные лексические единицы объединяются семой *ложь*, которая не выделяется в словарной дефиниции репрезентантов, но референтная ситуация свидетельствует о её наличии. В речи владычки Иоанна даётся оценка словам Филиппка, заключённая в номинации *пустословие*, которое сводит воедино многообразие высказываний Филиппка.

Захар Прилепин изображает референтные ситуации, формат которых определяют кореференты – люди, закосневшие в гордыне, в сознании своего превосходства над другими людьми. И это их чувство безосновательной надменности порождает *пустословие*, не сопряжённое с сущностными, соборными, делающими мир смыслонаполненным христианскими основами жизни. Артём Горяинов пребывает в эйфории от уверенности в собственном верховенстве над Авдеем Сивцевым и Митей Щелкачёвым. Хотя Сивцев старше Артёма на пятнадцать лет, имеет огромный житейский опыт, любит труд, а Щелкачёв обнаруживает отличное образование, Артём берет на себя роль их учителя и наставника, примеряя имидж сторожила концлагеря. Лексическое сочетание «*бестолочь крестьянская*», а также синтаксические единицы грамматического концепта **императив** (*иди займись, сядьте, ходить не надо, не сьедай, кури* и др.) позволяют выявить мыслительные образы, конструкты полевой структуры концепта ПУСТОСЛОВИЕ. Артём и над Ксивой чувствовал бы превосходство, если бы тот был без поддержки. Подчиняя себе других, Артём наполняется значимостью, силой, уверенностью, испытывает наслаждение, при этом понимая пустоту и никчёмность произносимого им. В ситуациях, когда пустословие как средство утверждения власти над другими невозможно, Горяинов избегает общения. На убеждение владычки Иоанна в необходимости праведных дел, перевешивающих грехи, Артём произносит пустое «*Здесь все грешат*» (Прилепин, 2015, с. 185), думая при этом, что все слова лишние.

В «Обители» Прилепиным выявлена доминирующая разновидность ПУСТОСЛОВИЯ – *пропагандистский язык*, обусловленный ситуативной преднамеренностью и делающий акцент на манипулировании личностями. Социально-политически востребованная властью, пропагандистская форма коммуникации функционировала в разных сферах жизни и закреплялась в сознании общества. Бывший студент Артём Горяинов без труда овладевает новым языком, названным в романе «*волятюком*».

В референтной ситуации, созданной референтами Ксива, Сорокин, Крапин, Кучерава и кореферентами блатные, всё существо протагониста направлено на сохранение своей жизни и заботу о комфорте тела. Войдя в конфликт с блатными, гонимый страхом смерти, Артём играет роль активиста и сознательного гражданина, что позволяет ему изменить референтную ситуацию, жить в безопасности, уйти от тяжёлых работ и хорошо питаться. Не в состоянии закрепиться в качестве спортсмена, Горяинов мгновенно перепрофилируется в мастера социально-политического красноречия. Концепт ПУСТОСЛОВИЕ объективирует в полевой структуре

слот «воляпюк, канцелярит», маскирующий суть смысла слов, в парадигму которого входят репрезентанты: участие в спортивных соревнованиях, отражение грамотно поставленной культурной работы Соллагеря, отражение пути исправляющимися, но ещё виновными членами общества, Соллагерь учит, руки сильных, подниматься после падения. Прилепин характеризует ораторство героя так: «Слова, произносимые им... куцые, как бы фантики, ни одно ничего не весит, ни за какое слово не поймаешь: дунет ветер, и нет этого слова...» (2015, с. 686).

Использованные героем эмфатические конструкции, парцелляции, абстрактная лексика, клише создают патетически-пафосную речь. По определению автора, протагонист старался всегда развивать мысль по простой и прямой линии, без попытки анализа, который обнаружил бы пустую его суть. Пропагандистские газетизмы и штампы, обесценивая семантику слов, их образность, вполне соответствовали тщеславной натуре Артёма, отвергающего духовные ценности.

Суть ПУСТОСЛОВИЯ протагониста, осознанного, наигранного, посылом которого является инстинкт самосохранения, содержится в авторской оценке речи героя, заключённой в глаголе «изгалялся»: «Артём изгалялся ещё полчаса, пока не кончились страницы в блокноте у Гракова» (Прилепин, 2015, с. 213). Борис Лукьянович, «по-доброму ёрничая», хвалит Артёма, сравнивая его красноречие с «соловиным садом», называя его «громокипящим» (Прилепин, 2015, с. 213). Прилепин обращается к известному стихотворению Ф. Тютчева «Весенняя гроза», строки из которого использовал в качестве эпиграфа к своему сборнику стихотворений, исполненных томительно-лирической негой, И. Северянин, назвав сборник «Громокипящий кубок». Создавая оксюморон путём соединения возвышенного, торжественного тютчевского эпитета с пустословием ораторствующего, автор проводит мысль о том, что революционные пропагандисты часто прибегали для воплощения своих идей к стихотворениям поэтов-символистов, не пытаясь при этом определить границу между добром и злом.

Используя семантически отрицательно наполненный глагол «изгалялся» и стилистически возвышенный эпитет «громокипящий», автор-повествователь достигает сарказма в изображении самодовольно ораторствующего Артёма, подчёркивая отнюдь не бескорыстную подоплёку красноречия: «правильные речи» вознаграждались денежным довольствием и сухим пайком. Факт пустословия персонажей романа, иерархически дифференцированных по социальному признаку (Артём, Мезерницкий, Троянский; Эйхманис), подтверждён комментариями автора. Борис Лукьянович, слушая речь Артёма, словно переводил на русский язык с иностранного. Мотив иностранного, введённый репрезентантом концепта ПУСТОСЛОВИЕ *иностраный язык*, звучит относительно оценки демагогии Эйхманиса: «Каждую минуту ожидалось, что вдруг он перейдёт на свою, родную ему, речь, и совсем не латышскую, или немецкую, или французскую – а какую-то ещё, с резкими, хрустящими, как битое стекло, повелительными словами» (Прилепин, 2015, с. 223).

Артём легко придумывает «трескучие лозунги», поскольку не вкладывает в них «ни души, ни сердца» (Прилепин, 2015, с. 227). Писатель, обращая внимание на доминирование глаголов повелительного наклонения в речи начлагеря и уподобляя его речь звукам *битого стекла*, обозначает негативное отношение к сложным, непонятым, бездушным речам, за которыми были только пустые, общие, наполненные пафосом сентенции.

Образованный человек, Василий Петрович инвективно обличает угрожающее сохранению традиционной национальной русской культуры, её развитию, лишённое смысловой наполненности пропагандистское ПУСТОСЛОВИЕ: «...у меня в голове навалены эти слова, торчат углами... "Проклятьем заклёпанный" – это что? Опера из жизни индейцев? "Диктатура пролетариата" – это как? Может, это блюдо? Из чего его готовят? "Интриги Антанты", "весна революции", "светлое будущее", "тяготы царизма", "борьба классов" – а это что такое? Что за воляпюк?» (Прилепин, 2015, с. 393). Вершилил возмущён отсутствием конкретики, ясности, что становится надёжной ширмой для лжи и обмана, призванных «и душу, и тело погубить в геенне» (Прилепин, 2015, с. 394).

Новый язык, «воляпюк», используется персонажами произвольно: жестоко избивая Артёма во время допроса, Ткачук обращается к нему цитатой из интернационала «Вставай, заклёпанный» (Прилепин, 2015, с. 499), вкладывая в революционно-поэтическое обращение издёвку и презрение к заключённому.

Лишь оказавшись перед лицом смерти, зов которой обозначался на Секирке звоном колокольчика, человек возвращался к своей сути, отказываясь от *пустословия*, бережно относясь к каждому слову: «...человек больше ничего не говорил, словно берег каждое свое слово, зная, что до смерти их осталось наперечёт» (Прилепин, 2015, с. 500). В референтной ситуации условия низвержения людей до уровня насекомых, недостойных жалости и сочувствия, несчастные обретают понимание смысловой *ценности слова*, делающего человека человеком, формирующего его жизнь, сохраняющего его идентичность.

Осознав разрушающую природу ПУСТОСЛОВИЯ, некоторые герои второй части романа «Обитель» задумываются над смыслами новых слов языка, порождённых реальностью, и их способностью влиять на судьбы. Раскодирование концепта ПУСТОСЛОВИЕ осуществляют также репрезентанты «уродская речь», «угловатые и безобразные» (Прилепин, 2015, с. 557).

Протагонист постиг драматизм подмены, произошедшей в русском языке, испытав голод, холод, страшные побои, ужас смерти. Артём узнал, что именно пустословие стало причиной гибели его друга, поэта Афанасьева, который, желая выслужиться перед властью, сочинил лозунг для плаката «Соловки – рабочим и крестьянам!» (Прилепин, 2015, с. 524).

Владычка противопоставляет пропагандистское ПУСТОСЛОВИЕ, свойственное потерявшим достоинство людям, и человеческую речь, сопряжённую с проявлением добросердечия: «И раз не бьют, и два, а бывает, и человеческое слово скажут, не только лай или мычанье! И заново привыкаешь, что люди *добры*!» (Прилепин, 2015, с. 511).

Саркастическая игра Артёма в изоляторе со смыслами слов становится триумфом разоблачения пропагандистского пустословия. С этой целью автор мастерски использует «принцип зеркального отражения»

(Сухих, 2015, с. 300). Встретившись со своими палачами (Санниковым, Горшковым, Ткачуком), превратившись в жертвы, Горяинов вслух размышляет о зловещем характере *речевых штампов*: «*Приговор приведён в исполнение*». Посмотришь, к примеру, на Санникова – и пытаешься примерить к нему эту фразу – ну, буквально как галстук на шею повязываешь: “*Приго-о-о... вор!.. приве-е-е... дён!.. в испо-о-о... лне! ни! е!*” Или, Санников, слышишь? – такое ощущение, как будто червь ползёт по животу, вытягивая свое кольчатое тело: *приговор приведён в исполнение...*» (Прилепин, 2015, с. 672). Воспринимая Артёма «неистребимым злом», сокамерники пытались его остановить, но он продолжал, глумясь, «мстить словами» (Прилепин, 2015, с. 672).

Каламбуря, Артём раскрывает кроющееся в канцеляритах и штампах разрушительное зло, ставя на место жертв своих вчерашних истязателей, используя их же оружие – ПУСТОСЛОВИЕ. Герой, в поисках самоутверждения и уютного места в жизни, озвучивает форму своего существования «*Без креста и без хвоста*», отражающую метание его души между *бесовством*, *безумием* и *гордыней*, находящимися в одной плоскости с концептом ПУСТОСЛОВИЕ.

Вариант ПУСТОСЛОВИЯ – *пустословие научное* – демонстрирует Осип Троянский. Речь этого весьма талантливого учёного также изобилует *пропагандистскими штампами* – неслучайно его мать называет сына *выдумщиком*. Осип артистически, с воодушевлением, любуясь собственным умением ораторствовать, рассуждает об *экономическом и научном развитии Соловков, сравнивая лагерь с Африкой*. Осип, не щадя чувств матери, возводит себя в сан героя-страдальца, причисляясь к тем, *в кого стреляют, кого морят голодом, держат в карцерах*. Артём, испытывая раздражение, определяет речь Осипа тем же глаголом, которым автор обозначил слова Артёма, – глаголом «*изгалялся*», то есть *корчился, глумился, теша своё самолюбие, взращивая гордыню, поднимаясь над своими собеседниками*. Слот *научное пустословие* детализируется репрезентантами: *законы общежития, глубокая жизнь ума, трудовая коммуна, хозяйствование, русская мысль, валуны, кривляние, чёрные большевистские рабы, сложные пути, лабиринты, проволока, полукрик, собачья похлёбка, каменные мешки, ледяные карцеры, витиеватая речь, плебей, раб* (Прилепин, 2015, с. 400-403). Захар Прилепин обнажает природу ПУСТОСЛОВИЯ, заключающуюся в отказе от веры, высшим духовным подвигом которой является подвиг БЕЗМОЛВИЯ. Подтверждением тому служат слова батюшки Зиновия: «*...бесы болтливы, Бог молчалив...*» (Прилепин, 2015, с. 557).

Примечательно, что ПУСТОСЛОВИЕ укоренилось в сознании людей разного социального уровня, образованности, культуры. *Пустословие учёного* Троянского следует после *пропагандистского пустословия* недоучившегося студента Горяинова, *любителя чревоугодия*, для которого счастье заключается в приятном *пресыщении желудка*. Понятным становится, что, молясь миске с борщом, нельзя вести серьёзный разговор о бессмертной душе, науке и любви – это обычное пустословие.

Актуальные культурные концепты БЕЗМОЛВИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ национальной концептосферы выполняют функцию ключевых концептов в романе Захара Прилепина «Обитель». Совмещая в себе черты общезыковой и индивидуально-авторской концептуализации, обнаруживая присущую менталитету русского человека систему ценностей, они маркируются экзистенциальной значимостью для языковой личности и всего лингвокультурного сообщества.

Заключение

В результате исследования были сделаны следующие выводы. Первосмысл, или ядерный слой, концепта БЕЗМОЛВИЕ лексикографируется словарями в значении *факта тишины, отсутствия звуков, пребывания в молчании*. Первосмысл концепта ПУСТОСЛОВИЕ связан с обозначением *пустых, бессодержательных разговоров, суетных, бесполезных, посвящённых ничтожному, ничего не значащим темам*. Выявленные ядерные компоненты актуальных концептов, организованные перцептивными и образными признаками, исчерпывают их содержание, кодируют концепты БЕЗМОЛВИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ как мыслительные единицы. Стоит заметить, что первосмысл концепта БЕЗМОЛВИЕ обладает семантической нейтральностью, в то время как ядерный компонент концепта ПУСТОСЛОВИЕ семантически отрицателен.

Особенность репрезентации концепта БЕЗМОЛВИЕ состоит в том, что семантическая единица концептуализируется в *вербальной и невербальной* формах. Прагматическая информация и семантические характеристики концепта БЕЗМОЛВИЕ, связанные с его исконным предназначением и аксиологической системой носителей языка, обусловили выявление в романе следующих репрезентантов концепта: *номинативной языковой единицы молчальники, объективных форм безмолвный и молчаливый, глагола молчать; обращённых к Богу и персонажам произведения монологов-молчаний*. Также концептуальное поле БЕЗМОЛВИЯ составляют *невербальные средства коммуникации: аскетический образ жизни монахов-отшельников, их тяжёлый труд есть своеобразный монолог, адресованный людям*. ПУСТОСЛОВИЕ в процессе референции реализуется вербально посредством денотатов таких единиц языка, как *слово, морфема, лексическое сочетание, предложение, текст, в эксплицитном и имплицитном воплощениях*.

Лексико-семантические и структурные особенности концептуальной оппозиции БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ заключаются в том, что изначально концепты БЕЗМОЛВИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ семантизировались как противопоставляемые сущности, отмеченные разновекторной смысловой направленностью. Однако в результате их взаимодействия возникла контрарная противоположность, предполагающая диалектическое единство, что позволяет признать ведущим принципом антиномичность: оппозиция БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ образовала фрейм-структуру на основе привативных и эквивалентных отношений с подфреймами, полюсными

семантически и формально (по способу репрезентации). Основной вершинный узел концептуальной структуры представлен сложной парадигмой концепта БЕЗМОЛВИЕ. На основе коннотации обозначается субфрейм *молчание*, семантические разновидности которого представлены терминальными слотами. Терминал *спасительное молчание* имеет положительную семантику: высшая степень Веры в Бога, концентрация человека на присутствии Бога, беседа с ним, обретение возможности заглянуть вглубь себя и стать свободным, открытым духовности, которая и есть подлинная реальность. Спасительное молчание присуще только истинно верным церкви священникам (отцам Феофану, Иоанну и Зиновию) и глубоко верующим людям (Мите Щелкачёву и Авдею Сивцеву), которым свойственно хранение уст своих от пустословия и выполнение заветов, угодных Богу. Данный актуальный, основной признак активного слоя концепта БЕЗМОЛВИЕ, сопряжённый с духовной сферой русской лингвокультуры, вследствие идеологической референции претерпел семантическую мутацию. Специфика структурных составляющих свидетельствует о том, что сначала частично, а затем и полностью фактом пустословия не только в художественном пространстве романа Захара Прилепина «Обитель», но и в реальности был уничтожен (полностью подменен) конвенционально актуальный смысл концепта БЕЗМОЛВИЕ. Близкий к концепту ПОКАЯНИЕ, он был вытеснен из словарного запаса заключенных Соловецкого лагеря, несмотря на то, что реальные примеры подвига безмолвного жития в изобилии присутствовали на территории концлагеря СЛОН: монахи-молчальники пытались помочь многим персонажам романа, являясь открыто, но, как известно, спасти души людские можно лишь при условии их добровольного и искреннего стремления к помощи Всевышнего. Во фреймовом поле возникает терминал *губительное молчание* с семантически отрицательным полем, где представлены смыслы, дающие ложную негативную оценку русскому народу в коннотациях «ограниченность мышления, скудость душевного содержания и нелюдимость», что символизирует кризис духовности в России, так как эти определения народу даются музыкантом-демагогом Мезерницким и певцом-приспособленцем Моисеем Соломоновичем.

Негативный смысл терминального узла *губительное молчание*, видоизменив поле духовно значимого для общества концепта БЕЗМОЛВИЕ, стал прецедентом имбрикации оппозитивных концептов БЕЗМОЛВИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ, мостиком между ними.

Коннотативное поле подфрейма ПУСТОСЛОВИЕ представляет набор терминальных узлов (слотов): 1) *поэтическое пустозвонство*, означающее увлечение внешней красотой, музыкальностью поэтических фраз; 2) *пропагандистское атеистическое пустословие*; 3) *научно-философское пустословие*; 4) «воляпюк», «новояз» и «канцелярит». Структура знаменует собой деградацию духовности человека. *Молчание* осознается людьми, прошедшими через концлагерь, как проявление *надменности* или *слабоумия*. Концепт ПУСТОСЛОВИЕ, воплощённый З. Прилепиным в романе в качестве вершинного узла нижнего полюса сложной оппозитивной структуры и многократно введённый им в художественное пространство произведения, означает открытую *пропагандистскую ложь*.

Концептуальная оппозиция БЕЗМОЛВИЕ – ПУСТОСЛОВИЕ в концептосфере романа Захара Прилепина «Обитель» выполняет основополагающие функции организации системы образов и выявления главной мысли произведения. Доминирование определённого концепта в сознании персонажа обнаруживает его суть, специфику героя и его бытия, индивидуальный образ мира, заключающий результат духовной работы. Концептуальная оппозиция определяет двучастную систему образов в аспекте реконструкции национальной духовной культуры. Посредством лексико-семантического анализа концептов БЕЗМОЛВИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ, учитывающего экстралингвистические факторы, позволяющего осуществить культурологическую, логико-понятийную и историческую интерпретацию данных базовых единиц картины мира, постигается главная мысль романа З. Прилепина «Обитель». Идея произведения заключается в том, что БЕЗМОЛВИЯ как высшего духовного сосредоточения могут достичь лишь великие сподвижники Веры в результате победы над своими грехами, но общим идеалом всего русского народа всегда были и останутся соборность, душевные «мир и тишина», обрётённые с помощью Веры в Благодать Божью, Надежды на нее и Любви к Богу и к человеку.

Перспективы исследования заключаются в возможности изучения особенностей концептуализации тех или иных понятий в национально-культурной и индивидуально авторской картинах мира в лексико-семантическом аспекте на материале произведений писателей-современников (З. Прилепина, Е. Водолазкина, Е. Чижовой, А. Иванова, Г. Служителя).

Источники | References

1. Бердникова О. А. Роман З. Прилепина «Обитель» как феномен современной русской прозы: контексты понимания // «Ищите же прежде царствия божия и правды его» (Мф. 6:33): материалы XII международного форума / Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Липецк, 2017.
2. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. Изд-е 2-е. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
3. Борисова Л. В., Иванова А. М., Чуева Э. В. Концептуальная оппозиция «правда – ложь» в чувашской и русской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 7.
4. Вахштайн В. С. Памяти Ирвинга Гофмана // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3 (83).
5. Гончарова Н. Н. Концепт – основная единица языковых картин мира // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 1.
6. Горяинова О. И. Культура повседневности в контексте методологии культурологического познания // Культурологический журнал. 2010. № 1.

7. Дзюбенко А. И. Фреймовая структура художественного вымысла: лингвопрагматический аспект (на материале романа В. В. Орлова «Аптекарь») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 8.
8. Карасик В. И. Транслируемость концептов // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текстов: материалы международного симпозиума: в 2 ч. Волгоград: Перемена, 2003. Ч. 2.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
10. Коврыгина Н. В., Павловская О. Е., Коврыгина Ю. В. Лингвокультурные концепты «Космос» и «Время»: функционирование в различных типах текста // Наука. Образование. Современность. 2023. № 2.
11. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Изд-е 2-е, доп. СПб.: БЛИЦ, 1999.
12. Ляпин С. Х. Концептология и становление подхода // Концепты. Научные труды Центраконцепта. Архангельск, 1997. Вып. 1.
13. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007.
15. Попова И. М. Амплитуда исторического пути России сквозь призму трансформированных концептов «Правда Господня» и «Своя Правда» по роману Захара Прилепина «Обитель» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (54).
16. Попова И. М. Концептуальность интертекста Ф. М. Достоевского в романе З. Прилепина «Обитель» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (38).
17. Семухина Е. А., Шиндель С. В. Фреймовый подход к изучению культурных феноменов // Культура и искусство. 2021. № 8.
18. Сидоренко Т. М. Концепты «истина» и «истинность» в языковой картине мира: лингвокультурологический аспект // Современный ученый. 2022. № 6.
19. Сухих О. С. Роман З. Прилепина «Обитель»: поэтика художественного эксперимента // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 1.

Информация об авторах | Author information



Глазкова Марина Михайловна¹, к. филол. н., доц.

¹ Тамбовский государственный технический университет



Marina Mikhailovna Glazkova¹, PhD

¹ Tambov State Technical University

¹ rusfilol37@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.11.2024; опубликовано online (published online): 25.12.2024.

Ключевые слова (keywords): динамичность концепта; когнитивные и ментальные признаки; коннотации полюсов антиномичной оппозиции; духовный кризис; первосмысл концепта; dynamism of the concept; cognitive and mental signs; connotations of the poles of the antinomic opposition; spiritual crisis; the first understanding of the concept.